

На правах рукописи

Викторова Ксения Владимировна

**Языковые изменения в процессе языкового сдвига
(на материале малоянисольского диалекта румейского языка)**

Специальность 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое
и сопоставительное языкознание

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2006

Работа выполнена в Отделе сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков и ареальных исследований Института лингвистических исследований Российской академии наук

Научный руководитель: доктор филологических наук, проф. Н.Б. Вахтин

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, проф. О. И. Бродович
доктор филологических наук, проф. Ф.А. Елоева

Ведущая организация: кафедра византийской и новогреческой филологии филологического факультета Московского государственного университета

Защита состоится 29 декабря 2006 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета Д002.055.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук при Институте лингвистических исследований РАН по адресу 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Тучков пер., 9).

Автореферат разослан ____ ноября 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета Д002.055.01
кандидат филологических наук, доцент

В. В. Казаковская

Общая характеристика работы

Данное исследование посвящено современному состоянию малоянисольского диалекта румейского языка, бытующего в поселке Малоянисоль Володарского района Донецкой области. Носители румейского языка проживают в Мариупольском, Первомайском, Володарском, Волновахском, Новоселковском и Тельмановском районах Донецкой области Украины. На этой территории расположены 20 румейских поселков. Размеры поселков от 200 (Византия Володарского района) до 11 тысяч (Сартана Мариупольского района) жителей.

Во всех поселках румейское население численно преобладает. По приблизительным подсчетам, доля румеев в составе населения поселков – от 60 до 85%. Следующая по численности группа населения румейских поселков – русские, далее следуют украинцы, имеется незначительное число представителей других национальностей. Население Малоянисоля на момент полевых исследований (2002 – 2005 гг.) колеблется около 3100 – 3200 человек. Около 80% постоянно населения составляют румеи.

На территории Донецкой области румеи проживают с 1770-х гг. Они были переселены сюда из Крыма вместе с другими православными группами – урумами и немногочисленной группой быстро ассимилировавшихся грузин.

Румейское самоназвание группы – *ruméu*. Зафиксировано также наименование *tat*, бывшее, видимо, экзоэтнонимом, которым пользовались тюркоязычные соседи румеев в Крыму, но к настоящему времени это наименование вышло из употребления. Румеи используют несколько возможных этнических идентификаций, которым соответствуют разные самоназвания. Румеи могут называть себя греками, эллинцами или греко-эллидцами в зависимости от того, с какой группой идентифицирует себя говорящий в настоящий момент и кому он себя противопоставляет.

Официальные классификации никогда не выделяли румеев в отдельную группу. В Российской Империи государство рассматривало их как крымских христиан («греческого закона») наряду с урумами, в СССР – как (советских) греков наряду с понтийцами и греческими иммигрантами, в современной Украине – как греков наряду с урумами, понтийцами, греками – жителями Украины, России, Кипра, Греции. Состав группы, к которой причисляются румеи, меняется в зависимости от политической конъюнктуры.

Румейское название языка – *ruméuku γλόσσα*. В русскоязычных работах по этому вопросу румейский язык называют по-разному: язык мариупольских греков (Соко-

лов), мариупольские греческие говоры (Сергиевский), мариупольский диалект новогреческого языка, приазовский греческий диалект (Чернышева), приазовско-греческий язык, язык меотийских греков, крымско-румейский язык, крымско-румейские диалекты (Белецкий), крымско-греческий язык (Белецкий, Чернышева, Араджиони), новогреческие таврорумейские диалекты (Журавлева). В иноязычных работах используются термины англ. Marioupolis Greek (Hatzidaki), франц. grec-hellén (Kaurinkoski), новогр. μαριουπολίτικá (Μάρπου-Ζουραβλιόβα), κριμαιοαζοφική ή ταυρορουμαίικη διάλεκτος (Hengrich).

Первые описания румеев относятся к 1860-м – 1870-м гг. (Ф. Хартахай, В. Григорович, С. Серафимов). Однако внимание уделялось прежде всего этнографическому описанию группы. Скучные данные о румейском языке той эпохи собраны в рукописном словаре Ф. Хартахая, в работе П. Кречмера, посвященной северногреческим диалектам, и в некоторых изданиях румейского фольклора. Лишь в XX в. начали появляться работы, посвященные описанию той или иной подсистемы того или иного румейского диалекта (М. Соколовский, А. Белецкий, Т. Чернышева, В. Серкутина, Е. Журавлева), румейско-русские и русско-румейские словари (Л. Кирьяков, Г. Анимица). Малоянисольский диалект до сих пор не был предметом лингвистического описания.

Учитывая, что румейский язык находится под угрозой исчезновения, сбор любых лингвистических данных о нем представляется не просто актуальной, но неотложной задачей. **Актуальность** выбранной темы определяется и тем, что лингвистические изменения в исчезающем языке и социальные изменения в сообществе его носителей протекают в очень быстром темпе. Нет никаких оснований предполагать, что следующее поколение румеев, проживающих в Малоянисоле, будет использовать румейский и русский языки таким же образом, как это делают сейчас наши информанты. Принципы языкового выбора могут измениться даже на протяжении жизни одного поколения.

Цель работы заключается в том, чтобы описать лингвистические и социолингвистические процессы, протекающие в настоящее время в исчезающем малоянисольском диалекте румейского языка. Наблюдаемые структурные и социальные проявления этих процессов и сопоставление их с аналогичными явлениями, описанными в литературе, позволяют классифицировать языковую ситуацию в Малоянисоле как ситуацию языкового сдвига, т.е. ситуацию исчезновения языка.

Соответственно, в работе ставятся следующие **задачи**:

- 1) описание структуры языкового сообщества носителей малоянисольского диалекта румейского языка, его внешних границ и внутренних делений,

- 2) описание функциональной нагрузки малоянисольского диалекта румейского языка,
- 3) синхронное описание структуры малоянисольского диалекта румейского языка, включающее подробное описание варьирования, имеющего место в языковой системе.

Неблагополучным положением румейского языка продиктован выбор подхода к его описанию. Описание исчезающего языка не может ограничиваться обычным синхронным описанием, т.к. для исчезающего языка, как было неоднократно показано в исследованиях ситуаций языкового сдвига (В. Дресслер, А. Шмидт, Н. Дориан и др.), характерен значительный размах варьирования, как обусловленного (например, выбор разных вариантов в зависимости от возраста говорящего), так и необусловленного (в частности, сюда относятся «ошибки» не вполне компетентных носителей исчезающего языка). Если следовать теории У. Лабова, именно в варьировании отражаются на синхронном уровне языковые изменения, происходящие в диахронии. В диссертационном исследовании лингвистическое описание румейского языка строится таким образом, чтобы как можно полнее отразить обусловленное и необусловленное варьирование на разных языковых уровнях (в морфологии, синтаксисе и лексике). Каждый вариационный ряд может оказаться отражением языковых изменений. В предложенном подходе к описанию исчезающего языка заключается **новизна** исследования.

Исследование языкового сдвига требует, с одной стороны, описания истории сообщества носителей исчезающего языка и истории групповых контактов с сообществом, ассоциирующимся с доминирующим языком; с другой стороны, описания функций исчезающего и доминирующего языка и оценки соотношения их функциональной нагрузки как в исторической перспективе, так и на настоящий момент; с третьей стороны, лингвистического описания исчезающего языка, которое, в идеале, также должно учитывать данные о предшествующем состоянии языка и включать в себя не только синхронное, но и диахроническое описание. К сожалению, мы не располагаем данными о малоянисольском диалекте румейского языка на предшествующих этапах его развития, однако косвенные диахронические данные, получаемые путем лингвистической реконструкции с привлечением данных о родственных языках и диалектах, а также с помощью внутренней реконструкции, по возможности учитываются в работе.

Таким образом, **методология** данного исследования требует комплексного применения методов, разработанных в рамках различных дисциплин: лингвистики и социолингвистики, этнографии, социологии, истории. При выборе методов исследования учитывался опыт подобных описаний, накопленный преимущественно в зарубежной науке (С. Гэл, Н. Дориан, А. Шмидт, Дж. Фишман и др.). Для анализа

ситуации языкового сдвига ключевыми оказываются понятие языковых установок, или языковой лояльности (*language loyalty*), предложенное У. Вайнрайхом и, с некоторыми модификациями, плодотворно применяемое в исследованиях исчезающих языков Дж. Фишманом и другими авторами, а также понятие доступа к языку. Доступом называется принципиальная возможность для индивида принимать участие в коммуникациях на данном языке; близкое понимание этого термина можно встретить в некоторых работах Н. Дориан.

Материал для лингвистического и социолингвистического анализа был собран в 2002–2005 гг. в Малоянисоле экспедициями Кафедры общего языкознания филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (рук. Е.В. Перехвальская) и факультета этнологии Европейского университета в Санкт-Петербурге. Использовались следующие методы сбора материала:

- запись спонтанной речи информантов на румейском языке (диалоги, монологи, исполнение фольклорных произведений),
- лингвистическое анкетирование – перевод с русского на румейский язык предложений, включающих малоупотребительные конструкции, редко встречающиеся в спонтанной речи,
- лингвистические эксперименты: «тесты», в которых информантам предлагалось образовать ряд изолированных грамматических форм от существительных и глаголов, а также составление рассказов по картинкам на румейском языке,
- интервью, включающее вопросы об использовании языка, отношении к языку, «лингвистической биографии» и т.п.,
- наблюдение за языковым поведением информантов в различных коммуникативных ситуациях.

В ходе экспедиций были получены записи от примерно 400 информантов. В диссертации анализируется материал, полученный от 140 информантов, 127 из которых родились в Малоянисоле или постоянно проживают там в настоящее время. Данные от остальных 13 информантов, жителей других румейских поселков, привлекаются для сопоставления. Общая продолжительность записи от каждого информанта составляет от получаса до нескольких часов.

Дополнительный материал для анализа истории развития социолингвистической ситуации в румейских поселках был собран экспедицией Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2004 г. в Мариуполе (Мариупольский краеведческий музей, Мариупольский районный архив), Донецке (Государственный архив Донецкой обл., Партийный архив Донецкой обл.) и Киеве (Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины, Институт рукописей Национальной библиотеки Украинской академии наук). Богатый материал по

истории группы опубликован в трудах современных украинских историков (А. Гедьо, Н. Бацак, Н. Терентьева и др.).

Теоретическая значимость работы состоит в том, что автор последовательно разграничивает *языковой сдвиг* как процесс и *языковую смерть* как результат этого процесса. Интерпретация ситуации языкового сдвига часто опирается на представления исследователя о перспективах ее дальнейшего развития; в противовес этому в данной работе предложен подход, при котором определение социолингвистической ситуации как ситуации языкового сдвига производится на основании *наблюдаемых проявлений* этого процесса. Вводятся важные в теоретическом отношении понятия *доступа* к языку и *языковых установок* говорящих, на базе которых строится оригинальная теория языкового сдвига и описываются процессы, происходящие в речи конкретных носителей.

Практическая значимость работы. Результаты диссертационного исследования используются в курсах по социолингвистике в Европейском университете. На базе собранного материала готовится учебник румейского языка. Собранные данные могут быть использованы для дальнейшего языкового планирования в румейских поселках.

Апробация работы. Основные положения диссертации отражены в выступлениях на заседаниях социолингвистического и полевого семинаров в Европейском Университете (2003 – 2005), в докладах на международных научных конференциях: 2nd Athens Postgraduate Students Conference in Linguistics (Афины, 2004), Near Languages 2 (Лимерик, Ирландия, 2005), INTAS Peace-COM Meeting *Peace Processes in Community Conflicts* (Никосия, Кипр, 2005), «Проблемы обучения родным языкам, находящимся под угрозой исчезновения» (Петрозаводск, 2005), *Языковые изменения в условиях языкового сдвига* (Санкт-Петербург, 2005), IV Международной типологической школе (Ереван, 2005), VI Конгрессе этнографов и антропологов России (Санкт-Петербург, 2005).

Положения, выносимые на защиту

1. Языковой сдвиг представляет собой крайнюю ситуацию языкового контакта, характеризующуюся определенными функциональными (сокращение функций исчезающего языка), социальными (формирование особого вида языкового сообщества – возрастного континуума компетенции) и структурными (в структуре исчезающего языка) изменениями.
2. Факторами языкового сдвига являются доступ и языковые установки.
3. Отрицательная языковая лояльность румеев по отношению к своему языку сформировалась на протяжении всей истории группы в силу неблагоприятных политических, экономических и социальных причин, а также факторов соб-

ственно лингвистического характера – трактовки румейского языка как «испорченного новогреческого», которая становится возможной в силу близкого родства и, тем самым, структурного и материального сходства двух идиомов.

4. В настоящее время румейский язык играет существенную роль в языковом репертуаре жителей Малоянисоля, действуя и как маркер принадлежности к группе «своих», и как маркер «взрослости» для подростков, для которых родным (материнским, первым) языком является русский.
5. В румейском языке фиксируются структурные изменения, характерные для языкового сдвига (сокращение числа падежных противопоставлений, предпочтение аналитических конструкций синтетическим, перестройка системы терминов родства в сторону сокращения числа оппозиций, утрата гиперонимов и пр.).
6. Многие из выявленных языковых изменений характерны для всех греческих диалектов или представляют собой общебалканские явления. Таким образом, языковой сдвиг усиливает, ускоряет действующие в языке тенденции, а не приводит к возникновению «специфических именно для этой ситуации изменений».

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка литературы и четырех приложений.

Основное содержание работы

Во **Введении** к диссертации дается общая характеристика исследуемой группы, источников и методов сбора материала, формулируются актуальность темы, новизна исследования, его цель и задачи, описывается структура работы. Введение содержит также краткий обзор истории изучения румейского языка и обзор воззрений на статус данного идиома (язык *vs.* диалект новогреческого языка *vs.* совокупность новогреческих говоров).

В **Первой главе** («Теория и методология исследования языкового сдвига») рассматривается понятие языкового сдвига, которое представляется ключевым для понимания современного состояния малоянисольского языка, формируется теоретическая перспектива, в рамках которой анализируются собранные данные, даются определения используемых терминов.

Аргументация предположений, выдвигаемых в этой главе, опирается на имеющиеся в литературе теоретические обобщения и описания отдельных ситуаций языкового сдвига. Изложенная здесь концепция представляет собой гипотезу, которая проверяется и доказывается на полевых материалах в последующих главах диссертации.

Языковой сдвиг предлагается рассматривать как развивающуюся во времени ситуацию языкового контакта, которая отличается от прочих контактных ситуаций следующими особенностями:

- в функциональном аспекте при языковом сдвиге происходит постепенное (более резкое или более плавное) вытеснение исчезающего языка из коммуникативных сфер и переход его функций к доминирующему языку. Этот процесс начинается в более «высоких» коммуникативных сферах – СМИ, администрация, школа и т.п. – и со временем распространяется на все сферы вплоть до бытового общения.
- социальный аспект языкового сдвига состоит в формировании особого типа языкового сообщества – возрастного континуума компетенции. В таком языковом сообществе компетенция индивида в исчезающем языке связана с его возрастом: чем старше представитель такого сообщества, тем больше вероятность, что он хорошо владеет исчезающим языком; чем младше, тем более вероятно, что он обладает неполной компетенцией в исчезающем языке. При языковом сдвиге возраст не является единственным фактором, определяющим языковую компетенцию представителей сообщества; существенными оказываются и такие факторы, как уровень образования, место проживания, состав семьи и пр. Однако перечисленные факторы действуют и в других контактных ситуациях, в то время как формирование возрастного континуума компетенции указывает на ситуацию языкового сдвига.
- с точки зрения структуры исчезающего языка, языковой сдвиг характеризуется чрезвычайно высоким уровнем варьирования. Варьирование возрастает в результате того, что многие представители языкового сообщества не вполне владеют исчезающим языком и используют различные стратегии восполнения пробелов в компетенции для избегания коммуникативных неудач. В их речи возникают многочисленные «ошибки», интерференция со стороны доминирующего языка на всех уровнях, проявляется тенденция к разного рода «упрощениям» – рост аналитизма, сокращение числа сложных предложений, утрата подчинительных союзов и т.п.

Взаимодействие трех аспектов сдвига отражает следующая схема:

Функциональная ограниченность (на схеме – «функции») является фактором первого порядка, непосредственно обуславливающим разделение языкового сообщества на более и менее компетентных носителей. Появление некомпетентных носителей («сообщество») не влечет за собой, а является специфическими для сдвига изменениями в структуре («структура»), поэтому между этими блоками на схеме поставлен «знак равенства». Простые стрелки отражают ситуацию на воображаемом первом этапе, а пунктирные соответствуют периоду развития сдвига, когда начиная с некоторого момента между функциональными, социальными и структурными проявлениями сдвига возникает положительная обратная связь: все они становятся и причинами, и следствиями друг друга. Плохое владение исчезающим языком побуждает молодых людей не использовать его в разговорах со старшими, которые могут упрекать или высмеивать их за ошибки, и это означает уменьшение функциональной нагрузки языка (сообщество → функции). Отсутствие собеседников вынуждает носителей с более или менее высокой компетенцией в исчезающем языке чаще пользоваться доминирующим языком, и динамика их компетенции в исчезающем языке оказывается нулевой или отрицательной (хотя могла бы быть положительной) (сообщество → структура). Оккупация «высоких» коммуникативных сфер доминирующим языком препятствует развитию стилистического разнообразия в исчезающем языке (функции → структура). Отсутствие необходимой терминологии в исчезающем языке вынуждает носителей переходить на доминирующий язык при обсуждении тех или иных тем, характерных для тех или иных коммуникативных сфер (структура → функции). И т.д.

Результатом развития ситуации языкового сдвига может стать «языковая смерть». Представляется необходимым отличать языковой сдвиг как процесс, в результате которого язык может стать мертвым языком, от языковой смерти как результата этого процесса. Неразличение процесса и результата приводит к тому, что интерпретация ситуации как ситуации языкового сдвига опирается только на представления исследователя о перспективах ее дальнейшего развития, т.е. о ненаблюдаемом будущем интересующего его языка: исследователь прогнозирует исчезновение языка в скором будущем и, исходя из этого прогноза, называет происходящие с языком процессы процессом языковой смерти. См., например, классическое определение *endangered languages* в работе (Krauss 1992). Между тем, многие авторы отмечали, что исчезновение языков пока недостаточно изучено для того, чтобы делать прогнозы: большинство прогнозов о судьбе того или иного языка не сбывается, ср. (Gal 1992: 315, Вахтин 1998, и мн. др.).

В отсутствие теории, обладающей достаточной прогностической силой, вряд ли возможно основывать определение объекта изучения на прогнозах. Подход, при котором определение социолингвистической ситуации как ситуации языкового сдвига

производится на основании наблюдаемых проявлений этого процесса, а не на основании их экстраполяции в будущее, представляется более эвристичным.

Предлагаемое терминологическое решение подготовлено представлением о языковом сдвиге (language shift) как о процессе, разворачивающемся во времени в рамках конкретного сообщества и противопоставленном языковой смерти (language death) как понижению языкового разнообразия, которое обычно не рассматривается как процесс и имеет место не в рамках сообщества, а на уровне человечества в целом. Ср.: «Языковой сдвиг имеет место, когда усвоение нового языка на уровне сообщества сопровождается отказом от использования бывшего основного языка этого сообщества. Если язык, от которого оно отказывается, не используется ни в каком другом сообществе, можно говорить, кроме того, о языковой смерти» (Mesthrie 1994: 1957-8). В одних ситуациях имеют место и сдвиг, и смерть (например, при исчезновении корнского языка в Англии в XVIII в. имел место языковой сдвиг – с корнского на английский – и языковая смерть: корнский язык перестал существовать), в других языковой сдвиг не сопровождается смертью (например, среди американцев норвежского происхождения имеет место языковой сдвиг – с норвежского на английский, но поскольку норвежский язык продолжает существовать в Норвегии, не приходится говорить о языковой смерти в данном случае), в третьих языковая смерть происходит без языкового сдвига (например, тасманийский язык исчез не потому, что его носители перешли на английский, а по более трагической причине: сообщество его носителей было физически истреблено) (Там же). Аналогичная точка зрения представлена в (Dressler 1988, Trudgill 1974, Kloss 1984). Несколько ближе к предлагаемому здесь противопоставлению определение языкового сдвига (language shift) как постепенного или внезапного перехода с одного языка на другой в отличие от утраты языка (language loss) – утраты способности говорить на том языке, на котором говорили раньше (Crystal 2000: 17fn.). Однако Д. Кристал предлагает использовать эти термины по отношению как к сообществу, так и к индивиду. В большинстве же случаев языковой сдвиг и языковая смерть (англ. language shift или, чаще, language death, а также многие другие, менее употребительные термины, см. Вахтин 2001:12, Waas 1991) не противопоставляются и определяются как «замена привычного пользования одним языком использованием другим» (Вайнрайх 1979: 110, ср. Gal 1979: 1), или как «крайний случай языкового контакта, при котором заимствуется целый язык за счет отказа от собственного языка» (Campbell 1994: 1961), и т.д.

Противопоставление языкового сдвига языковой смерти и рассмотрение языкового сдвига как динамично развивающейся ситуации языкового контакта позволяет выделить два фактора исчезновения языков: *доступа* к языку и *языковых установок*.

Под *доступом* понимается возможность участвовать в коммуникации на данном языке. По мере вытеснения исчезающего языка из коммуникативных сфер доступ к нему для новых поколений носителей сокращается, а доступ их к доминирующему языку, наоборот, растет.

Под *языковыми установками* понимаются всевозможные проявления эмоционально-оценочного отношения к языку. Один из контактирующих языков может рассматриваться как «красивый», «культурный», «полезный», «городской», «грамотный, язык образованных людей» и т.д. Это наиболее распространенные характеристики доминирующего языка в условиях неравноправного билингвизма. Исчезающий язык характеризуется, соответственно, как «некрасивый», «некультурный», «бесполезный», «деревенский», «неграмотный» и т.п. Однако в разных ситуациях проявления языковые установки могут принимать самые разнообразные формы (например, встречаются оценки по шкалам «легкий-трудный», «древний-новый» и пр.) и не могут быть подробно охарактеризованы для отвлеченной ситуации. В общем можно сказать, что при языковом сдвиге языковые установки стимулируют представителей языкового сообщества использовать доминирующий язык и препятствуют использованию исчезающего языка.

Функциональное и структурное описание исчезающего языка должны учитывать неоднородность языкового сообщества, возникающую в процессе языкового сдвига.

Во **Второй главе** («История социолингвистической ситуации в румейских поселках») предлагается периодизация истории румейского языка, основанная на участии в формировании социолингвистической ситуации тех или иных языков, кроме румейского, и распределении функциональной нагрузки между румейским и другими языками. Задача этой главы заключается в выявлении факторов, формировавших отношение румеев к языку «своей» группы и к языкам контактирующих с ними групп, с тем, чтобы попытаться реконструировать это отношение. Историческое исследование языковых установок позволяет понять причины, по которым к настоящему моменту в сообществе установилось настолько негативное отношение к собственному языку, что несмотря на декларируемую лояльность по отношению к нему, язык оказался под угрозой исчезновения.

Результаты исторического анализа социолингвистической ситуации в румейских поселках могут быть представлены в виде таблицы:

Табл.1. Периодизация истории языковых контактов румейского языка: контактирующие языки и распределение функциональной нагрузки

	Бытовое внутри- групповое	Межэтниче- ское общение	Админи- страция	Школа	Литургия	Литера- тура
--	---------------------------------	----------------------------	--------------------	-------	----------	-----------------

	общение					
До 1778 г.	Рум	Кр-Тат	Кр-Тат	Каф	Каф	-
До 1850-х гг.	Рум	Урум	Урум, Рус	Каф, Рус	Каф, Цсл.	-
До 1920-х г	Рум	Рус, Урум	Рус	Рус	Цсл	Рус
До 1938 г.	Рум	Рус	Дим, Рус	Дим, Рус	-	Рус, Рум
До серед. 1980-х гг.	Рум, Рус	Рус	Рус	Рус	-	Рус, Рум
По наст. вр.	Рус, Рум	Рус	Рус	Рус, Дим	Рус	Рус, Рум

Условные обозначения: Рум. – румейский, Кр-Тат – крымско-татарский, Каф – кафаревуса, Урум – урумский, Рус – русский, Цсл – церковнославянский, Дим – димотика

Крымский период (до 1778 г., т.е. до момента вывода крымских христиан, в т.ч. румеев, из Крыма и размещения румеев на занимаемых ими ныне территориях в Приазовье) со времени установления контроля над полуостровом со стороны Оттоманской империи характеризуется подчиненным, зависимым положением румеев. Они представляют собой не только языковое, но религиозное и культурное меньшинство в государстве, где государственной религией был ислам, а языком большинства – татарский. Во многих источниках XIX в. цитируются сообщения о том, «что «окаянные» резали языки христианам, говорившим на своем наречии, жгли их храмы и церковные книги для того, чтобы уничтожить религию», «крымские христиане претерпевали все ужасы мусульманского фанатизма», однако уже Ф. Хартахай (1864) подвергает сомнению представления о чрезмерной суровости национальной политики крымских татар. Несомненно, однако, что дискриминация религиозных меньшинств существовала и была закреплена законодательно на государственном уровне: так, не-мусульмане обязаны были платить более высокие налоги, не имели права занимать определенные должности и т.п. Тем не менее, крымские греческие христианские общины открыто проводили богослужение по своему обряду и открывали церковно-приходские школы. Священнослужители присылались из Константинополя и составляли единственную социальную группу более или менее образованных людей среди греческого населения Крыма. Их родными языками были различные греческие диалекты, и более чем вероятно, что румейский язык они воспринимали как испорченный вариант своего родного языка. Языком изучения в церковно-приходских школах и языком богослужения была кафаревуса – «высокий» кодифицированный вариант новогреческого языка.

Все румеи, вышедшие из Крыма, в той или иной степени владели крымско-татарским языком. Вместе с румеями в Приазовье поселилась и другая группа «крымских христиан греческого закона» - урумы, носители урумского языка тюркской семьи, близкородственного крымско-татарскому. Урумы, согласно наиболее вероятной гипотезе, – это потомки греческих поселенцев, проживавшие в городах Крыма (в отличие от румеев, проживавших в сельской местности) и перешедшие на крымско-татарский язык.

В период греческой автономии в Приазовье (1780-е – вторая четверть XIX в.) румеи контактировали преимущественно с урумами – группой «греческих христиан», носителей урумского (тюркского) языка. Греческий суд – орган самоуправления румеев и урумов – функционировал на урумском языке, однако русский язык также использовался в администрации – первоначально для сообщения с внешними инстанциями высшей власти, а по мере возрастания доли пришлого населения, не владевшего урумским, – и в общении с ним. Указом 1779 г. («Жалованная грамота Христианам Греческого закона, вышедшим из Крыма в Азовскую губернию на поселение») земли Греческой автономии были закрыты для всех, кроме выходцев из Крыма. Однако уже начиная с 1820-х гг. от отведенной урумам и румеям территории отделяются места под заселение немцам-меннонитам, израильским христианам и др., которые не владели ни урумским, ни румейским языками.

В богослужении и образовании (церковно-приходских школах) продолжала использоваться кафаревуса, а священники по-прежнему назначались константинопольскими властями (до 1786 г.). В 1799 греческая церковная автономия была полностью упразднена и языком литургии и церковного образования стал церковнославянский.

Первый период русификации (до 1920-х гг. – начала политики коренизации) отделяется от предшествующего периода скорее количественной, чем качественной границей. Доля иноязычного населения постепенно возрастает, и русский язык приобретает все большее значение как язык межэтнического общения. К 1850 г. греки (румеи и урумы) составляли не более 50% от населения города Мариуполя – центра Греческой автономии в Приазовье. В 1859 г. был издан указ «Об учреждении в г. Мариуполе общества, отдельного от греческого».

В 1869 г. Мариупольский греческий суд был упразднен, и единственным языком администрации стал русский.

Первый период этнического возрождения (1920-е – 1930-е гг.) – это, в частности, первая в истории румеев попытка поднять престиж родного языка. Однако результатом социолингвистической ситуации предшествующих периодов истории румеев явилось то, что румейский язык даже не рассматривался в качестве возможного символа, вокруг которого могла бы объединиться группа. Решение о выборе языка школы, прессы, литературы и т.п., который будет получать поддержку на государственном уровне, принималось на Всесоюзном совещании по вопросам просвещения среди греческого населения СССР в 1926 г. Основными претендентами на эту роль были кафаревуса и димотика (два литературных варианта новогреческого языка, бытующие в Греции). Вопрос о придании особого статуса понтийскому языку поднимался, но был решен отрицательно, а вопрос о румейском языке даже не

ставился, хотя на совещании присутствовала достаточно влиятельная группа делегатов из Приазовья. В результате выбор был сделан в пользу димотики.

По отношению к румейскому языку успела сформироваться негативная внутригрупповая установка, согласно которой румейский – язык «бедный», «отсталый», «бесполезный», «некультурный» и т.п. Эти высказывания зафиксированы в многочисленных документах этнографической комиссии Отдела по делам национальностей при Наркомате внутренних дел Украины и в отчетах других комиссий, направлявшихся в румейские поселки. Такая установка сформировалась под влиянием распределения функциональной нагрузки между румейским и контактирующими языками в предшествующие периоды. Румейский никогда не ассоциировался с социальной успешностью, с высоким уровнем образования, административным ресурсом, высокой культурой и т.п., оставаясь всегда на вторых ролях.

К началу XX в. на румейском языке начинает появляться литература – находящиеся еще под сильным фольклорным влиянием авторские стихотворные произведения, песни, поэмы, удрамайдъа («частушки») и пр. Эти произведения создаются на территориальных диалектах румейского языка, однако их авторы общаются между собой, владеют, как правило, не одним диалектом, сообща стремятся к тому, чтобы их тексты были понятны всем румеям. Таким образом, к 1920-м гг. закладывается фундамент для развития румейского литературного языка – наддиалектного общенародного языкового образования. Однако возможность закрепить этот успех, создав кодифицированный вариант румейского языка, закрепленный в нормативных пособиях (учебниках, словарях, хрестоматиях) и распространить его посредством школьного преподавания была отвергнута под воздействием уже сложившихся языковых установок. «Официальным символом» румеев, как и других советских греков, стал один из литературных вариантов новогреческого – димотика.

Второй период русификации (1938 – 1980-е гг.) начинается арестами и расстрелами представителей румейской интеллигенции. Сворачивание всех достижений предыдущего периода явилось результатом резкой смены государственной национальной политики: от политики коренизации, подготовки национальных кадров и поддержки национальных культур и языков был совершен переход к политике «формирования новой этнической общности – советского народа». На протяжении этого периода многие языки, недавно получившие письменность, вытесняются из всех коммуникативных сфер.

Знание русского языка становится необходимым условием социализации. До войны в румейских селах румей составляли не меньше 90% населения; в 1950-х гг. начался приток мигрантов, и хотя численное превосходство до сих пор сохраняется за румеями, вероятность встретить в своем селе человека, не понимающего по-румейски, возросла очень значительно. Сельская интеллигенция – учителя, врачи, ра-

ботники администрации – в первые годы после отмены эллинизации обновилась почти полностью, и румеи из нее были практически исключены; вся сельская верхушка стала русскоязычной. Только русский язык использовался в преподавании, в администрации, средствах массовой информации и т.п.

Смена национальной политики и действенность избранных методов не замедлили отразиться на данных переписей: согласно переписи 1926 г., греков, считавших греческий родным языком, было 82.4%, в 1959 г. их стало 7.7%, а в 1970 – 5.7%.

В течение второго периода этнического возрождения (конец 1980-х – настоящее время) не только в Приазовье, но по всей Украине начинают возникать греческие общества, объединившиеся в 1995 г. в Федерацию греческих обществ Украины (ФГОУ) с центральным офисом в Мариуполе. Согласно формулировке президента ФГОУ, «генеральная линия деятельности Федерации – возрождение родного языка, самобытной культуры, традиций и обрядов, которые в совокупности с языком дадут нам возможность вырастить свою интеллигенцию – национальную элиту, позволяющую греческому народу не раствориться, а взаимообогащаться другими культурами, расцветая на этой благодатной почве». Русификация представляется теперь наследием советского режима, а родной язык – драгоценной реликвией.

Однако, как и в первый период этнического возрождения, символический ресурс румейского языка оказался недостаточным для того, чтобы румейский занял место родного языка, символа группы. Как и в предыдущий период культурного строительства, художественная литература оказалась единственной из высших функциональных языковых сфер, в которой румейский язык смог более или менее укрепиться. В администрации и в СМИ сейчас используются русский и украинский, причем предпочтение отдается русскому языку (как и в целом в Донецкой области). В школах преподавание должно вестись на государственном языке (т.е. по-украински), но в школах национальных меньшинств допускается преподавание на национальном языке с изучением украинского как предмета; многие школы в румейских селах получили статус школ национальных меньшинств, благодаря чему в них разрешено вести преподавание на русском языке.

Румейский язык его носители характеризуют так же, как и в 1920-е гг.: «ненужный», «бедный», «отсталый».

Новогреческий язык преподается в некоторых школах в румейских поселках, учителей готовит новогреческое отделение филологического факультета Мариупольского гуманитарного института. Из тех, кто ездил работать, отдыхать или учиться в Грецию или на Кипр, многие в той или иной степени овладели новогреческим языком, но в бытовом общении новогреческий не используется.

Таким образом, негативная установка по отношению к румейскому языку со стороны его носителей препятствовала его закреплению в высших коммуникативных сферах и в те периоды, когда государственная политика предоставляла такую возможность. В моменты активизации национального самосознания (1920-е – 30-е гг. и период с конца 1980-х по настоящее время) негативная установка по отношению к румейскому приводила к самоидентификации румеев с другим языком. Этот выбор сообщества активно поддерживался и внешними силами, не заинтересованными в поддержке румейского языка и заинтересованными в том, чтобы рассматривать румеев как часть другой, более крупной группы. В 1920-х гг. это были советские деятели культурного строительства, в интересах которых было, с одной стороны, объединить всех советских греков, с другой стороны – добиться официального признания димотики в СССР, опередив таким образом «буржуазную Грецию», не способную отречься от кафаревусы. В 1980-х гг. в роли заинтересованного внешнего игрока оказалась Греция, признавшая румеев частью всемирной греческой диаспоры и, соответственно, объектом политики репатриации. И в том, и в другом случае участие внешних сил усиливало привлекательность самоидентификации с другим – не румейским – языком.

Иными словами, почва для языкового сдвига была подготовлена задолго до начала русификаторской советской политики. Однако доступ к другим языкам, кроме румейского, был ограничен, поэтому румейский долго оставался основным языком бытового общения. Интенсивность взаимодействия румейского языка с русским в быту возрастала постепенно на протяжении XX в.

В разных поселках этот процесс осуществлялся с разной скоростью, в зависимости от географического положения и экономических условий. Например, Ялта (Первомайский район) располагается недалеко от Мариуполя, на побережье, это популярный курорт, куда каждое лето приезжают тысячи отдыхающих с востока Украины и из России. С момента образования курорта (1930-е гг.) жители Ялты имеют широкий доступ к русскому языку. Другой поселок, Сартана (Мариупольский район) располагается ближе всех других румейских поселков к городу Мариуполю, многие его жители работают в городе, в Сартане раньше, чем в других поселках, появилось русскоязычное население. Приток русскоязычного населения и взаимодействие с городом обеспечили доступ к русскому языку для жителей Сартаны. В настоящее время румейский язык в Сартане и Ялте находится в значительно более бедственном положении, чем в Малоянисоле: в этих поселках румейский практически вышел из употребления даже среди представителей старшего поколения. Малоянисоль располагается дальше от города, основная сфера деятельности – сельское хозяйство, поэтому поселок почти не привлекал приезжих вплоть до 1940-х гг. Доступ к русскому языку жители Малоянисоля получили позже, чем жители

многих других румейских поселков, однако воспользовались возможностью овладеть более высоко оцениваемым языком, как только такая возможность появилась.

В **Третьей главе** («Румейское языковое сообщество и функции румейского языка в Малоянисоле») приводится описание современной социолингвистической ситуации в этом поселке, языкового сообщества носителей малоянисольского диалекта румейского языка и функций, в которых носители используют диалект. Эта глава написана по полевым материалам.

Глава предваряется кратким обзором литературы, посвященной проблеме определения языкового сообщества, в особенности применительно к ситуации языкового сдвига. При языковом сдвиге в сообщество необходимо включить и не вполне компетентных носителей языка, т.к. именно в их речи отражаются языковые изменения, привнесенные или форсированные ситуацией сдвига. Поэтому наиболее подходящими представляются определения, основанные на «самоопределении» говорящего: «языковое сообщество состоит из людей, которые считают, что они говорят на одном и том же языке. Никакие другие признаки не требуются» (В. Кордер).

За последние десятилетия правила языкового выбора в поселке изменились. Детство старших из наших информантов прошло практически в одноязычной румейской среде, детство младших проходит практически в одноязычной русской. Если раньше «по умолчанию» использовался румейский язык, теперь «по умолчанию» используется русский. Для говорящих, принадлежащих к младшим поколениям, выбор румейского языка несет дополнительную смысловую нагрузку, означает вовлечение в некоторое подобие языковой игры: по словам одного из местных жителей, говорить по-румейски «выходит интереснее и веселее», чем по-русски.

Сферы использования румейского языка и число его носителей явно сокращаются, а их компетенция понижается, т.е. можно говорить о процессе языкового сдвига.

Сформулировать правила языкового выбора, которые позволяли бы более или менее точно предсказывать выбор языка в каждой конкретной ситуации, нам не удалось. На вопрос «кто говорит на каком языке с кем и когда» (Fishman 1965) трудно ответить, особенно если учесть широкий спектр значений, скрывающийся за выражением «говорить на том или другом языке». Возможно, такая свобода в выборе языка также является одним из признаков ситуации языкового сдвига. С. Гэл (Gal 1979:110, 112) также отмечает, что существуют только два случая, позволяющих с уверенностью предсказать выбор кода: это цитирование (при пересказе диалогов реплики воспроизводятся обычно на том языке, на котором они прозвучали) и «не-взаимное» использование, когда младший участник диалога говорит на одном языке, а старший на другом. В большинстве случаев переключение кодов невозможно предсказать, но *postfactum* его обычно можно истолковать, уловить его смысл, т.к.

переключение кодов является тактикой построения диалога и риторическим приемом, позволяющим выразить эмоции.

Для того, чтобы с уверенностью делать подобные выводы, необходимы более надежные данные включенного наблюдения, однако и имеющиеся наблюдения не противоречат предположению, что и в Малоянисоле румейский и русский языки используются аналогичным образом. Значительная свобода в выборе языка, высокая степень независимости выбора от таких параметров коммуникации, как тема, обстановка и пр., позволяют придавать выбору одного или другого языка различные дополнительные смыслы, используя его для выражения эмоциональных значений. Возможно, выбор румейского для императивов относится к числу таких переключений.

Два случая, в которых выбор кода часто можно предсказать, наблюдаются и в Малоянисоле:

(Информант пересказывает соседке свой диалог с внуками): Баба, кушать готовь. Léyu: Kámu-sas típus kríya, kartófla ja makarón, apsa (говорю: я вам сделаю что-нибудь холодное, картошку или макароны, быстро). Нет! не хотим. Ster (потом): баба, я кушать хочу. Léyu: tí (говорю: что?) (нрзб) Léyu andu tí, andu margaríni jóxsam ándu čindiryáx na s kámu (говорю: С чем, с маргарином или с подсолнечным маслом тебе сделать?). Не, не хочу, а сала, баба, нету? Léyu (говорю) есть там, to en (оно) старый, не с холодильника. Aútu сало na kofts' (это сало отрежь)...

Pses dáva s atína, le ayts (вчера я пришел к ней, она говорит): У нас метр кабель даже нету. Léyu (говорю): Ну а какой мне надо, шесть или десять квадратов? Le (говорит): Надо купить. Régu tíleyu (Беру как) надо, símur ráyu (сегодня еду)...

И наоборот:

Я грю [говорю]: «Поехали в город, выберешь куртку» – [муж говорит:] «yo čí tha rágu! čí ráyu, čí ráyu (я не поеду! Не поеду, не поеду)», я ему три раза куртку привозила... [наконец он сам собрался поехать] Три дня «ездил»: «Símur na ráyu (сегодня поеду)», потом «jox, ávri (нет, завтра)». Так вот и ездил в город.

Мамка звонит, грит [говорит]: «[имя], грит, mándi tí na kámu (не знаю, что делать), грит, вот коза, прсляешь [представляешь]»... Я грю, ну ты даешь, грю, тридцать рублей стоит, она такая: «Mándi tí na kámu...».

Доступ к русскому языку сейчас гораздо шире, чем доступ к румейскому, хотя большинство жителей поселка имеют сейчас и доступ к румейскому языку, и многие из них, для которых русский – первый язык, имеют и мотивацию воспользоваться доступом к румейскому. Мотивацию обеспечивают, во-первых, высокая оценка румейского языка по шкале солидарности, во-вторых, представление о румейском как о «языке взрослых», на котором подросткам хочется говорить, чтобы

почувствовать себя взрослыми. Толерантное отношение к переключению кодов позволяет не вполне компетентным носителям совершенствовать свой уровень компетенции в румейском языке постепенно. Активное использование румейского языка начинается с обмена устойчивыми выражениями, причем мальчики и приезжие молодые люди в первую очередь овладевают ненормативной румейской лексикой, и лишь позднее могут освоить использование румейского языка в других функциях.

Несмотря на высокую роль румейского языка как маркера идентичности, создается ощущение, что для Малоянисоля эта функция языка не так существенна, как для других поселков, в которых языковая ситуация менее благоприятна, а символическая нагрузка румейского более отрефлексирована. В Малоянисоле не зафиксировано высказываний, сравнимых по эмоциональности с таким, например, высказыванием жителя Сартаны: «Я вот с одним разговариваю, грек, пацану двадцать лет – и не понимает по-гречески! Грек (с горькой иронией)... Я говорю, ты хоть совесть какую-то, перед всем обществом, ты если не разговариваешь, ты хоть понимай по-гречески! (...) А он: Не хочу! Я говорю, ты дурень, это ж мало зазорного...».

Тем не менее, именно выполнение румейским языком символических функций создает мотивацию для овладения им в какой-то степени у младшего поколения жителей Малоянисоля.

В Четвертой главе («Лингвистическое описание современного румейского языка») предметом описания является языковая компетенция не только полноценных носителей, для которых румейский является первым и доминирующим языком, но и других членов языкового сообщества, для которых румейский язык не является ни первым, ни доминирующим.

Рассматриваются следующие подсистемы языка: имя существительное (число, падеж, род, одушевленность/неодушевленность, личность/неличность), артикль (формы и функции), прилагательное (правила согласования с существительным, образование форм), глагол (личные окончания, видо-временные формы, предглагольные частицы), синтаксис (именная группа, глагольная группа, простое и сложное предложение), лексика (словообразовательные модели и лексические изменения). Описываются и анализируются типичные отклонения от «нормы», под которой понимается вариант полностью компетентных носителей, поэтому для каждой подсистемы приводится сначала этот последний, и затем варианты не вполне компетентных носителей.

Реорганизация системы грамматических категорий не обнаружена. Скорее следует говорить о продолжении одних и тех же тенденций от старших к младшим. Многие из этих тенденций легко проследить вплоть до стадий, предшествующих формированию самостоятельного румейского языка.

В именной системе это – сокращение числа падежей и реструктуризация системы классифицирующих категорий. Сокращение числа падежных противопоставлений затронуло все ныне существующие идиомы, восходящие к эллинистическому койне. Генитив, по мнению многих исследователей, «если не находится в стадии исчезновения, то во всяком случае приближается к ней» (Цивьян 1973: 96) (в приведенной цитате речь идет о димотике, но такая же ситуация наблюдается и в большинстве нестандартизованных диалектов). В румейском генитив еще дальше продвинулся по пути исчезновения: во-первых, генитив мн.ч. уже исчез, не сохранилось даже реликтов общегреческого Gen.pl. на $-\omega\nu$, во-вторых, единая форма генитива для обоих чисел вытесняется аналитическими именными атрибутивными конструкциями, в которых используется форма косвенного падежа. Для не вполне компетентных носителей румейского языка аналитические конструкции с косвенным падежом становятся ведущим способом выражения атрибутивных отношений, а образование формы генитива для таких носителей затруднительно. Сокращение числа падежей до двух – прямого и косвенного, – которое мы наблюдали в речи наиболее компетентных информантов, не является особенностью именно румейского языка. Аналогичная ситуация складывается во многих говорах Малой Азии. Генитив в этих говорах заменяется аналитическими конструкциями.

Перестройка категории рода также не является румейской особенностью. Стремление к совпадению грамматического и биологического рода называют общегреческой тенденцией. М. Кутита-Каимаки (Κουτίτα-Καϊμάκη 1988-89) отмечает, что во всех современных греческих идиомах наблюдается тенденция к грамматикализации противопоставлений $\pm\acute{\epsilon}\mu\psi\upsilon\chi\omicron$ (одушевленность/неодушевленность) и $\pm\lambda\rho\acute{o}\sigma\omega\lambda\omicron$ (личность/неличность).

Развитие противопоставления по личности и одушевленности на базе противопоставления по родам в румейском уже начинает утрачиваться, т.е. имеется тенденция к совпадению личных существительных и существительных мужского рода, слабо проявляющаяся в речи более компетентных информантов и гораздо сильнее – в речи менее компетентных.

Практически случайный выбор словоформ прилагательных в речи менее компетентных информантов можно объяснить высоким уровнем варьирования в образовании форм прилагательных (характерным и для других родственных идиомов) и сложными правилами согласования адъективных словоформ (прилагательных и местоимений) с существительным в речи более компетентных информантов и низкой частотностью прилагательных в их речи. На словоизменение прилагательных влияет и перестройка системы классифицирующих именных категорий, т.к. выбор формы прилагательных зависит от того, к какой категории принадлежит существительное, а границы именных категорий размыты.

Глагольные словоформы и система грамматических категорий подвержены гораздо меньшему варьированию в речи более компетентных информантов. В речи менее компетентных информантов образование и использование глагольных форм также не переживает никаких направленных изменений.

В синтаксисе на всех уровнях отмечается тенденция к развитию паратаксиса, что является типичным структурным изменением при языковом сдвиге. С другой стороны, Т. Цивьян отмечает, что одной из основных характеристик современного новогреческого языка является «активное развитие паратаксиса в самом широком смысле», замечая далее, что развитие паратаксиса может быть и одной из основных характеристик языков балканского языкового союза в целом.

В **Заключении** подводятся общие итоги исследования. Отмечается, что предложенный в Первой главе теоретический конструкт языкового сдвига оказался удобен при описании социолингвистической ситуации в Малоянисоле. Под воздействием факторов доступа и отношения к языку румейский язык и его бытование в сообществе приобрели следующие особенности, которые, согласно изложенной концепции, характерны для ситуации языкового сдвига:

- сократилась функциональная нагрузка румейского языка. Даже двуязычные, полностью компетентные в обоих языках представители сообщества чаще используют русский язык, чем румейский. Не существует таких коммуникативных сфер, в которых использование русского языка противоречило бы социальным нормам сообщества, тогда как коммуникативные сферы, полностью занятые русским языком, безусловно существуют – например, общение с незнакомыми или с людьми, не владеющими румейским, вся сфера письменной коммуникации и др.
- сформировался возрастной континуум компетенции – стратификация языкового сообщества по уровню владения языком, тесно связанная с возрастом.
- определенным образом изменилась структура румейского языка. Собранные материалы позволяют заключить, что только увеличение числа заимствований и сокращение числа сложных предложений можно связать непосредственно с языковым сдвигом, объяснив их неполной компетенцией говорящего. Однако было зафиксировано очевидное ускорение языковых процессов, управляемых внутренними тенденциями развития языковой системы – сокращение числа падежных форм, реструктуризация системы классифицирующих именных категорий, широкое варьирование в способах образования форм прилагательных. Аналогичные процессы имели или имеют место во многих родственных идиомах.
- тем не менее, в данном случае результаты внутрисистемных изменений неотличимы от результатов изменений, вызванных неполнотой компетенции носителей. От не вполне компетентных носителей мы вправе ожидать аналогичного

речевого материала: сокращения числа падежных форм, трансформации сугубо морфологической категории рода в семантически обусловленную категорию одушевленности и т.п. Собранные материалы и полученные выводы не позволяют принять участие в дискуссии о том, следует ли выделять в особую категорию языковые изменения, протекающие при языковом сдвиге, или эти изменения представляют собой не более чем интенсификацию внутрисистемных процессов.

В Приложения вынесены: таблица образования глагольных форм (Приложение 1), список 140 информантов, упоминаемых в тексте работы, со сведениями о них (год и место рождения, этническая принадлежность родителей, уровень образования, родственные связи с другими информантами) (Приложение 2), результаты лингвистических экспериментов (Приложение 3), примеры текстов (Приложение 4).

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Викторова К.В. Некоторые морфологические и лексические особенности румынского языка // Электронный вестник ЦППК ФЛ (филол. ф-т Санкт-Петербургского государственного университета). – 2006. Вып. 3. <http://evcprpk.ru/index.php>. (№ гос. регистрации в ФГУП НТЦ «Информрегистр» 0420600030 (свидетельство 009 от 21.04.06). – 0, 5 п.л.
2. Victorova K. Identity Conflict in the Roumean Community: The Elite vs. the Public // Innovations: The European Journal of Social Science Research. – 2006. Vol. 3/4 (19). – P. 321–335.
3. Victorova K. Sociolinguistic Situation and Language Change: The Case of Roumean // Proceedings of 2nd Athens Postgraduate Students Conference in Linguistics. – Athens: Athens University Press 2005. – P. 340–356.
4. Викторова К.В. Глагольное отрицание в румынских (мариупольских греческих) говорах // Четвертая типологическая школа: Международная школа по лингвистической типологии и антропологии. Ереван, 21 – 28 сентября 2005 г. Материалы лекций и семинаров. – М.: РГГУ, 2005. – Стр. 108 – 111
5. Викторова К.В. Рецензия на книгу: Linguistique typologique. / Gilbert Lazard, Claire Moysse-Faurie (Eds.) (Villeneuve-d'Ascq: Septentrion, 2005) // Вопросы языкознания. – 2007. № 2 – (в печати, 0,5 п.л.).
6. Баранова В.В., Викторова К.В. Рецензия на книгу: Kaurinkoski K. Les Grecs dans le Donbass. Analyse des identités collectives dans deux villages d'Ukraine orientale. Université de Provence, 1997) // Антропологический форум. – 2004. № 1. – С. 347–352 (авторский вклад 50%).